

ПЕТРОГРАДСКИЙ БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ

Петроградский Богословский институт находился в бывших митрополичьих покоях при подворье Троице-Сергиевой лавры на Фонтанке, 44 с 1920 по 1923 гг., когда насаждалась атеистическая идеология. В это тяжелое время в стенах Богословского института многие находили утешение и поддержку.

В декабре 1918 г. Петроградская Духовная академия прекратила свое существование. Весной 1919 г. заведующий Богословско-Пастырским училищем И. П. Щербов выступил с инициативой создания Богословского института. Открывая институт, о. Н. Чуков говорил: «Вопросы религиозные, вопросы веры и жизни положительно висят в воздухе, всякая беседа, всякая лекция, где упоминается имя «Бог», привлекает массы народа»¹.

Богословский институт открыл свободный доступ к духовному образованию всем желающим послужить Церкви, не только юношам, но и взрослым, не только мужчинам, но и женщинам, без какого-то ни было ограничения возраста². Бесплатные занятия проходили по вечерам, их могли посещать работающие днем. Впервые в истории русского православия в богословском институте могли обучаться женщины.

Ректором института был избран протоиерей Николай Кириллович Чуков, опытный пастырь и педагог, человек с незаурядными организаторскими способностями (будущий митрополит Ленинградский Григорий). Ещё в начале его пастырского пути Иоанн Кронштадтский благословил о. Н. Чукова на труды по народному просвещению.

23 октября 1919 г. в ответ на обращение администрации Богословского Института о выделении помещения Центральный жилищный отдел по учету и распределению помещений предоставил Богословскому институту третий этаж дома № 44 по набережной реки

*Николай Кириллович Чуков
(Фотографии с сайта
С.-Петербур. митрополии)*

Иван Павлович Щербов

¹ Бовкало А. А., Галкин А. К., Сорокин В. Открытие Петроградского богословского института в 1920 году // Христианское чтение. 1997. № 14. С. 128.

² Сорокин В. Исповедник: церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). – СПб., 2005. – С. 206.

Фонтанки «с мебелью, которая остается под ответственность вселяемого»³. Но в справочнике «Весь Петроград» (Пг., 1923) указывается другой адрес института — Троицкая ул., 3, второй двор, квартира 56. Видимо, вход в институт был со стороны Троицкой улицы, через проходные дворы.

Петроградский Богословский институт был финансово и духовно независим от советской власти и содержался на средства приходских общин Петроградской епархии. Церковный сбор (тарелочный и кружечный) производился четыре раза в год, в праздничные дни во всех храмах Петрограда. Причем большая часть студентов также участвовала в нем, и это считалось нелегким трудом.

Существовали и добровольные пожертвования частных лиц. Художник изготовил художественную надпись для Богословского Института. Однажды за литургией в храме Троицкого подворья неизвестная девушка вручила Митрополиту Вениамину запечатанный конверт с надписью «На Богословский Институт», когда конверт вскрыли, в нем оказалось 100 тысяч рублей. Другая девушка пожертвовала золотые часы, третья положила на блюдо золотое обручальное кольцо. Люди приносили канцелярские принадлежности и книги⁴. Протоиерей А. А. Дернов пожертвовал в Институт святые иконы, книги, портреты, картины и мебель⁵. Все эти жертвы были чрезвычайно трогательными по своей непосредственности, сердечности, укрепляли преподавателей и студентов Богословского Института «в отрадной мысли, что русский человек любит церковь и начинает ценить духовное просвещение»⁶.

Собранные средства расходовались чрезвычайно экономно. Денег было достаточно для оплаты помещения, отопления, освещения Института, на водопровод. Часть средств тратилась «на чистоту»: мытье полов, вывоз мусора, уборку снега... Возникали у института и непредвиденные расходы: на починку рояля, на покупку лампы для «волшебного фонаря»⁷. Вознаграждение служащих лиц было весьма скромным. В дальнейшем оно едва покрывало расходы на проезд в институт. Но преподаватели относились к своему труду, как к святому послушанию и подвигу любви к родной Церкви.

Объявления об открытии Богословского института печатались в «Листке объявлений», рекламном издании Петроградского Совета. Он выходил по вторникам и пятницам в количестве 2500 экземпляров и расклеивался по городу, в трамваях и общественных местах сроком на 3 дня. В ЦГИА СПб сохранился февральский (за 1920 г.) «Листок объявлений»⁸. Желающим учиться в Богословском институте предлагалось написать прошение и приложить к нему аттестат об образовании, метрику. Кроме того, желательны были рекомендация от священника, жизнеописание и список прочитанных книг духовного содержания.

Объявления о приеме в институт также раздавались настоятелям приходских общин с просьбой о содействии в привлечении слушателей. Некоторые приходы, например, Покровский в Коломне и Крестовоздвиженский на Петроградской Стороне даже подготавливали юношей и девушек для лучшего усвоения богословских наук⁹.

³ ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 70. Л. 71.

⁴ Там же. Д. 49. Л. 9, 10.

⁵ Там же. Д. 63. Л. 19.

⁶ Там же. Д. 49. Л. 10.

⁷ Там же. Д. 70. Л. 7.

⁸ Там же. Д. 12. Л. 1, 2.

⁹ Там же. Д. 49. Л. 10.

Документы, по возможности, предлагалось вручать собственноручно ректору или проректору института, с целью личного ознакомления с подателями прошений. Известно, что к поступающим в институт проректор И. П. Щербов был весьма строг.

Официальное открытие института состоялось 16/3 апреля 1920 г., в светлую пятницу на Пасхальной неделе. Перед началом доброго дела был отслужен молебен, пели певчие Троицкого подворья.

Регулярные учебные занятия начались 20 апреля 1920 г. Лекции начинались в 6.30 часов вечера и заканчивались в 9 или 10 часов вечера. Ежедневно читалось от 4 до 6 лекций, каждая продолжительностью 40 минут. В субботу и воскресенье занятия не проводились. Курс обучения был трехлетний. Учебный год делился на 3 триместра: летний (с мая по 15 августа), осенний (с 1 сентября по 15 декабря) и зимний (с 15 января по 15 апреля). Перерывы между триместрами были посвящены сдаче зачетов. Некоторые преподаватели принимали зачеты у себя дома.

Студентка Богословского института Л. А. Дмитриева (дочь известного религиозного философа А. А. Мейера) вспоминала о занятиях: «Посещение лекций было свободным, никакой канцелярии не велось, «обслуживающего персонала» не наблюдалось... Мы слушали лекции с величайшим восторгом, но было чувство, что счастьем нашему скоро придет конец»¹⁰. Её тревожные предчувствия сбылись.

Студенты слушали лекции, участвовали в практических занятиях, составляли доклады и проповеди. За основу был взят учебный план бывшей Духовной Академии, не случайно в народе институт называли «Духовной Академией». Академичность в освоении богословских наук была заменена церковным просветительством.

Преподавание светских предметов запрещалось в духовных учебных заведениях, поэтому вместо греческого языка и латыни преподавали «чтение новозаветного греческого (латинского) текста и св. отцев Восточной (Западной) церкви». В качестве классной доски первое время использовалась крышка от ящика, и на ней профессор Л. П. Карсавин углем писал греческий алфавит.

В институте царил удивительная братская атмосфера, дух взаимного сердечного единения между преподавателями и студентами на почве общей живой веры. После занятий студенты не спешили расходиться, обычно пили чай у кого-нибудь из профессоров. Про Н. К. Чукова один недоброжелатель говорил: «Что-то вы все чай пьете»¹¹.

На втором этаже находились квартира проректора И. П. Щербова, библиотека и канцелярия института. Лекции читались на 3-м этаже, в бывших митрополичьих покоях, в 1920-е гг. переименованных в квартиру № 56. До сих пор сохранились дубовые двери б. Митрополичьих покоев с вырезанными на них крестами.

Здесь находился, по воспоминаниям студента института Н. Д. Успенского, довольно большой лекционный зал с обилием света и хорошей акустикой (аудитория № 1), смежные с ним — комната ректора, средняя (или рекреационная) зала, комната проректора и аудитория № 2¹². В «Журнале записей годовых актов и памятных дней, отмечаемых Богословским институтом» какая-то из этих комнат называется «зеленой комнатой»¹³. В воскресные дни в ней проходили студенческие собрания.

¹⁰ Сестринская община // Квартальный надзиратель. 2005. № 12 (59). С. 18.

¹¹ <http://eparhia.onego.ru/>

¹² Успенский Н. Д. К истории богословского образования в Ленинграде // Журнал Московской патриархии. 1977. № 4. С. 6 – 13.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 61.

Неоднократно во время учебных занятий прекращалось электрическое освещение, из-за порчи трансформатора целую неделю лекции читались при скудной керосиновой лампе. В марте – апреле 1922 г. три недели в институте не было электрического освещения, вследствие пожара на 3-й Электрической станции (Бельгийского общества) (наб. р. Фонтанки, 104 – Введенский канал, 2)¹⁴.

Институтские аудитории и комнаты отапливались дровами. В институте было 17 кафельных печей и одна дизельная печь, добытая трудами студента отца Макария. Дизельная печь давала много тепла при сравнительно малом расходе дров. Печки топил монах отец Макарий. Зима 1919 – 1920 гг. в городе выдалась особенно тяжелой, весна запоздала, и топить приходилось даже в мае. Петроград в 1920 – 1922 годы переживал сильный дровяной кризис. Дрова получались только по ордерам. Дровяные талоны – маленькие розовые бумажки – «отоваривали» на складах Петротоба, находившихся на Тучковой набережной¹⁵. В августе 1921 г. по просьбе института ему была предоставлена одна баржа для разломки на дрова¹⁶.

Богословский институт не имел собственной домово́й церкви. Выделенные гражданской властью помещения были достаточны лишь для проведения лекционных занятий. 3 ноября 1920 г. институт ходатайствовал пред Св. Патриархом о передаче в полное владение Богословскому институту храма, некоторых подворских помещений и свободных квартир, с подчинением братии Троицкого подворья ректору института. 18 декабря 1920 г. из канцелярии патриаршего подворья был отправлен в институт ответ, отклоняющий ходатайство: ввиду уплотнения, свободных помещений и квартир в подворье не имеется, а распределение их находится в ведении домового комитета, «подчинение братии подворья ректору представляется неудобным»¹⁷.

В 1920 – 1921 учебном году в институт были привезены иконостас и церковная утварь из церкви б. Ксениинского дворца (на площади Труда, 4)¹⁸, церковное облачение из Александро-Невской Лавры. Посылались письма коменданту бывшего дворца великого князя Алексея Александровича на Мойке (д. 122) о передаче церковной утвари из церкви дворца, и начальнику штаба Балтийского флота о предоставлении в распоряжение Богословского института всего церковного имущества крейсера «Адмирал Макаров»¹⁹. Позже у института появилась надежда на открытие Церкви во имя Св. Александра Невского в здании бывшего Училищного Совета на Кабинетской улице (ул. Правды), 13²⁰. Но этим планам не суждено было сбыться.

Не имея институтской домово́й церкви, студенты и вольнослушатели участвовали в местной церковно-приходской жизни. Одни прислуживали в алтаре, участвовали в чтении и пении на клиросе, исполняли обязанности псаломщика за разными будничными литургиями. Другие – заведовали приходскими библиотеками, занимались с детьми Законом Божиим, управляли церковным хором, обучали детей пению. Больше всего проповедовали. Студенческая проповедь велась не только в соборах, церквах, монастырях и

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 61. Л. 7, 9.

¹⁵ Там же. Д. 63. Л. 8, 10 – 13, 15, 18.

¹⁶ Там же. Л. 22.

¹⁷ Там же. Д. 80. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 49. Л. 7.

¹⁹ Там же. Д. 63. Л. 12, 13.

²⁰ Там же. Д. 49. Л. 2.

о. Федор Андреев

подворьях в центре Петрограда, но и на Васильевском острове, на Петроградской и Выборгской сторонах, на станции Пороховые, в поселке Вырица.

Отличительной чертой Богословского Института был очень сильный состав преподавателей. В институте читали лекции ученые с мировым именем, известные богословы Н. Н. Глубоковский, А. И. Бриллиантов, И. С. Пальмов, Ф. К. Андреев, университетские преподаватели — академик Б. А. Тураев, профессора Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, И. М. Гревс. Здесь преподавали С. С. Безобразов, Василий Васильевич Струве и др. Преподавать приглашались известные ученые из других городов. Ф. Андреев писал своему учителю о. Павлу Флоренскому: «Иван Павлович [Щербов] послал тебе безумное письмо с приглашением читать в Богословском институте, выше которого мы с ним никого, кроме Бога и Церкви, не почитаем»²¹.

Среди людей умственного труда наблюдалось по заключению врачей особо сильное физическое истощение. И. П. Щербов писал в одном из писем о. Федору Андрееву, что он так ослабел от недоедания, что едва передвигает ноги и подняться даже на лаврские ступеньки ему представляется большой сложнос-

тью. Институт обращался в Комиссию по улучшению быта ученых со списками преподавателей с просьбой выдать им удостоверения об освобождении от трудовой повинности по заготовке топлива и об освобождении от снегоочистительной повинности²².

Одним из профессоров Богословского института был Федор Константинович Андреев. Он закончил Московскую Духовную Академию, где был любимым учеником П. А. Флоренского. Простота обращения при глубокой образованности привлекали к нему многочисленных прихожан из интеллигенции, среди его духовных чад были философ С. С. Алексеев (Аскольдов), пианистка М. В. Юдина. Д. С. Лихачев вспоминал о нем в одном из своих писем: «был в 20-х годах знаменитейший проповедник, на проповеди которого в Сергиевскую церковь, угол Литейного и Сергиевской, стекалась вся интеллигенция Петрограда»²³. Умер Ф. К. Андреев 25 мая 1929 г., тюрьма, лишения, постоянное переутомление подорвали его здоровье. Похоронен он на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. Рядом с ним находится могила митрополита Ленинградского Иоанна (Снычева).

Студенты Богословского института мало напоминали обычных студентов. Возраст поступивших был от 18 до 60 лет. Высшее богословское образование стало доступно мирянам. Учились священники, монахи и монахини, бывшие студенты духовных академий и семинарий, врачи, актрисы, военные. Студентами были поэт-футурист Д. А. Крючков, фольклорист В. Я. Пропп (тогда школьный учитель русского языка), музыковед Н. Д. Успенский, архитектор А. М. Арнольд и др. Ф. Андреев в письме о. П. Флоренскому писал, что «состав и настроения слушателей поднимают и наш преподавательский дух».

Почти все студенты проводили день на службе. Затем, наскоро пообедав, они являлись в Институт и возвращались домой поздним вечером. Рассеянные по разным районам Пет-

²¹ Соколова Л. Когда горит свеча. СПб., 2003.

²² ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 63. Л. 10, 14.

²³ Юдина М. Лучи Божественной Любви. Литературное наследие. М.; СПб., 1999. С. 524 — 527.

рограда, на расстоянии около 1 часа и более ходьбы от Института, они при отсутствии трамвайного сообщения, единственного в то время городского транспорта, должны были приходиться и возвращаться домой пешком. Некоторые студенты жили вне Петрограда и вынуждены были искать ночлега у знакомых. На подготовку к зачетам студенты имели очень мало времени, готовились часто без электрического освещения, большею частью по конспектам и запискам, которые сами же переписывали, нередко в очень тяжелых семейных и материальных условиях²⁴.

В 1922 г. положение студентов еще более ухудшилось. Вследствие сокращения штатов многие остались без заработка, вынуждены были с чрезвычайными усилиями отыскивать себе какое-либо занятие, иногда на короткое время — впредь до нового сокращения. При нэпе содержать себя стало еще труднее.

Помещение Института было достаточным для чтения лекций, но студенческое общежития поместить в нем было нельзя. Институт пытался помочь студентам и завести вблизи института хотя бы малое общежитие, с общим по возможности столом и церковным укладом жизни²⁵. Но институт не успел этого сделать.

Еще до официального открытия и впоследствии Институтом устраивались общедоступные лекции. Вход на них был свободный. Лекции читали наставники Богословского института: Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, Б. А. Тураев, Ф. К. Андреев, А. И. Бриллиантов, Н. К. Чуков, И. П. Щербов и др. Подобные лекции организовывались институтом и в других местах Петрограда.

Вечером, в воскресенье, 28 ноября 1920 г. в институт для чтения такой лекции пришел академик, бывший профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Иван Саввич Пальмов. Он тяжело переживал разруху и неустройство жизни последних лет, «мучительно тяжелый быт». Скоро к душевному угнетению стало присоединяться и угнетение физическое: носка дров на пятый этаж, хождение на Миллионную улицу за пайком, стояние часами в очереди для получения вязанки дров. В институте ему стало плохо, и он быстро скончался от паралича сердца прямо в аудитории на руках своих друзей и учеников. Тело его находилось в институте до четверга — до выноса в Александро-Невскую Лавру. Ежедневно в течение трех дней в 12 часов дня и 8 часов вечера совершались панихиды при участии ректора и студентов в священном сани, студенты же пели, а некоторые читали псалтырь²⁶.

В институте собирались кружки: проповеднический, миссионерский, дидактический, библейский, церковного пения, пастырский. На них студенты выступали с докладами. В квартире И. П. Щербова или в институтской библиотеке по отдельным воскресеньям проходили заседания религиозно-философского кружка, называвшиеся «воскресниками». Здесь собирались студенты и педагоги для обсуждения церковно-религиозных вопросов. Собрания проходили за чайным столом. Обычно присутствовало 20 — 25 человек²⁷. Если был священник, вечер открывался молебном. Перед началом собраний всегда сообщались последние церковные новости. Сам И. П. Щербов обычно докладывал по догматическому богословию, которое он преподавал в институте. Другие доклады тоже носили

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 18.

²⁶ Сорокин В. Исповедник: церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. С. 236.

²⁷ Антонов В. В. «Воскресенья» Мейера и «воскресники» Назарова // Невский архив. СПб., 1999. Вып. IV. С. 310 — 324.

сугубо богословский характер. И. П. Щербов просил присутствующих молчать о собрании, собравшиеся старались не петь громко и расходиться поодиночке. Для подозрительных властей любое собрание казалось контрреволюционной ячейкой.

Трудовая, однообразная жизнь студентов оживлялась устройством вечеров. Описание рождественского «Вечера — ёлки», проходившего в среду 29 декабря 1921 г., сохранилось в ЦГИА СПб, в журнале «Летопись Петроградского Богословского Института»²⁸. Приготовление к вечеру началось за несколько дней. Одна из студенток привезла в институт ёлку. Двум другим студенткам о. Макарий раздал муку для печения. А накануне студенты под его же руководством расставили столы и стулья, освободив их от чехлов. С утра студентки хлопотали на кухне, пекли печенье на институтской плите.

С шести часов вечера стали собираться приглашенные, к семи часам — прибыл Митрополит Вениамин, пришли ректор с семейством, преподаватели Н. В. Чепурин с женою и М. В. Митроцкий с дочерью. В лекционном зале пропели «Дива дней». Затем было произнесено два доклада. В концертной части со скрипкой выступал Лисовский, сын ректора — студент консерватории Шура Чуков пропел «В 12 часов по ночам...». (Впоследствии его, как сына священника, отчислили из консерватории). После концерта ректор произнес краткое слово о деятельном и любовном участии студентов в организации института. Митрополит Вениамин возложил на о. Макария золотой наперстный крест.

Около 9 часов перешли в аудиторию № 2 и в среднюю комнату. Всем присутствующим предложили чай, какао с печеньем. Во главе каждого из четырех столов сидели епископы. Во время чаепития вели частные разговоры: студенты говорили о благотворном влиянии института. Владыка пожелал процветания институту и отбыл в 10.30. Остальные оставались до 11 — 12 часов. Во время вечера в институте погас свет.

Последний учебный год начался 1 мая 1922 г. Уже вскоре после актового дня — 24 мая (дня памяти Свв. Кирилла и Мефодия, почитаемых в институте своими покровителями; студенты мечтали в дальнейшем сделать этот день — днем своих встреч) обстановка начала ухудшаться.

21 апреля 1922 г., в канун 52-летия Ленина, власти издали декрет об изъятии церковных ценностей, поводом послужил голод в Поволжье. По делу о «противодействии» изъятию церковных ценностей» были арестованы Митрополит Вениамин, ректор Н. К. Чуков и несколько членов Корпорации Богословского института. Слушание дела началось в июне 1922 г. в помещении б. Дворянского Соборания. После оглашения смертного приговора специально приглашенные зрители — слушатели коммунистических курсов неистово аплодировали²⁹. В ночь с 12 на 13 августа Святитель Вениамин, о. Сергей (Шеин), профессор Богословского Института Ю. П. Новицкий и др. были расстреляны на станции Пороховые Ириновской железной дороги.

Несколько летних месяцев в заключении провел И. П. Щербов, арестованный по доносу обновленцев. Осенью 1922 г. профессоров института — Н. О. Лосского и Л. П. Карсавина на пароходе «Пруссия» выслали за границу. Тем не менее занятия продолжались, даже готовились к новому приему студентов: было объявлено, что 1 марта 1923 г. начинается прием прошений о поступлении.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 61. Л. 6.

²⁹ Сорокин В. Исповедник: церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. С. 276.

Целый год обновленцы боролись за подчинение института. Обновленцы хотели провести в институте ревизию и превратить его в мужскую 7-ми классную семинарию.

5 января 1923 г. заведующей Главным комитетом Профтехобразования Наркомпроса В. Яковлевой было послано указание в Петропрофобр: «в срочном порядке сообщить, существует ли в настоящее время Богословский институт... В случае, если институт продолжает свою деятельность, Главпрофобр поручает Вам немедленно принять меры к его ликвидации»³⁰. Однако закрыть институт оказалось непросто, он подчинялся другому ведомству (отделу управления Губисполкома) и был внесен в Реестр Обществ и Союзов, как религиозная организация, в октябре 1922 г. успешно прошел перерегистрацию, аккуратно ежемесячно предоставлял отчеты и числился на хорошем счету. Переписка по этому вопросу длилась несколько месяцев, пока, наконец, узел не разрубило решение Совета института о самоликвидации.

15 августа 1922 г. на Совете проректор И. П. Щербов сообщил о тяжелом финансовом положении института. Прекратились церковные сборы. Квартирная плата повышалась с каждым месяцем, на так называемые «нетрудовые элементы» распространялся повышенный тариф. И. П. Щербов просил с 1 декабря понизить плату и приблизить ее к взимаемой за подобные же квартиры этого дома³¹.

До сих пор студенты не вносили никакой платы за обучение. При малом количестве среди них обеспеченных лиц и при всем желании они могли внести за обучение немного³². Они согласились платить по 10 рублей в месяц, но этих денег было явно недостаточно.

2 марта 1923 г. руководство института постановило: ввиду все увеличивающейся платы за помещение института и крайне слабого поступления добровольных пожертвований от прихожан, отказаться с 1 апреля от занимаемого помещения на б. Троицком подворье (квартиры № 56)³³. По окончании лекций 20 марта решено было перевезти мебель и необходимые для занятий книги в Русско-эстонскую церковь (на пр. Римского-Корсакова, 24 — набережной канала Грибоедова, 135). Протоиерей Русско-эстонской церкви А. Пакляр в письме проректору И. И. Щербову писал: «Наше домовое товарищество готово дать приют Богословскому институту, со своей стороны приложу все усилия к тому, чтобы Вам жилось у нас хорошо...»³⁴. Наставников института просили принимать в апреле зачеты на дому.

Правление Жилищного Товарищества по Троицкой ул., 3, согласно постановлению общего собрания жильцов дома, в апреле 1923 г. требовало, чтобы институт в трехдневный срок внес в кассу Правления дополнительный сбор в размере февральской ставки на покупку кровельного металла. Жилищное Товарищество оставалось непреклонным: «Выезд Богословского Института из занимаемой им квартиры № 56 не дает права на освобождение от этого сбора»³⁵. 20 апреля 1923 г. Правление Товарищества все же признало возможным понизить взнос денег на покупку кровельного железа в половинном размере и просило внести эту сумму в трехдневный срок, что институтом было выполнено³⁶.

³⁰ Шкаровский М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917-1945. СПб.: Лики России, 1995

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 70. Л. 52.

³² Там же. Л. 48.

³³ Там же. Л. 49.

³⁴ Там же. Д. 71. Л. 19.

³⁵ Там же. Д. 70. Л. 50.

³⁶ Там же. Л. 51.

С 1 апреля институт отказался от занимаемого помещения на б. Троицком подворье, а 6 мая 1923 г. прекратил свою деятельность. Богословский Институт оказался с политической стороны неуязвим для советской власти, но она его задушила непосильными финансовыми тяготами. Петроградский Богословский Институт успел сделать единственный выпуск. Его окончило 26 человек, из них 9 — женщин. Судьба многих преподавателей и студентов трагична. Многие из них преследовались за веру, были репрессированы.

В мае 1923 г. и. о. ректора И. И. Щербов ходатайствовал о передаче всего делопроизводства б. Богословского Института в Центрархив, как имеющее историческое значение. Круг замкнулся: именно И. П. Щербову принадлежит идея образования Богословского института, и, благодаря его же мудрому решению, сохранилась память об институте. Фонд Петроградского Богословского института находится сейчас в ЦГИА СПб.

Неоценимую помощь в работе оказали многочисленные публикации А. А. Бовкало, протоиерея В. Сорокина, В. Антонова. Об этом времени сохранилось очень мало воспоминаний, дневников: духовенство вести дневники боялось, при аресте в них могли содержаться улики. Многого осталось в их памяти и ушло вместе с ними бесследно. Огромный провал в истории 20-30-х годов необходимо сейчас восстанавливать, разыскивать по крупицам документальные свидетельства о прошлых гонениях и о том, как люди оставались праведниками в той жуткой ситуации.

Здание б. Троицкого подворья на набережной Фонтанки недолго пустовало. В конце 1923 г. в нем поселился следующий владелец — пролетарский клуб «Старая и Молодая Гвардия», просуществовавший по этому адресу до 1938 г. (публикация о клубе планируется в следующем выпуске альманаха). В 1939 г. здание было передано Ленинградской центральной библиотеке ГОРОНО (в 1953 г. ей было присвоено имя В. В. Маяковского).

Е. И. Шубина,
главный библиограф Центра петербурговедения ЦГПБ им. В. В. Маяковского